

Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации

Нина Михайловна МАМЕДОВА

кандидат экономических наук, заведующий сектором Ирана, Институт востоковедения Российской академии наук; доцент, кафедра мировой экономики, МГИМО МИД России. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: mamedovan@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Мамедова Н.М. (2018) Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 3. С. 152–165. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165

АННОТАЦИЯ. *Около четырех десятилетий в Иране осуществляется исламское правление. Создана уникальная система государственной власти, которая совмещает в себе светские и религиозные начала. При этом водораздел между религиозными и республиканскими институтами власти может быть очевиден, но может проходить внутри самих этих институтов. Одним из основополагающих принципов организации правления является выборная система. В зависимости от тех политических сил, которые в результате выборов завоевывают большинство в руководящих структурах, соотношение между исламскими и республиканскими принципами в определении политического курса, в его проведении, меняется. Нередко эти изменения принимают форму массового протеста. В систему государственной власти вносятся коррективы, однако в целом ей удалось сохранить тот каркас, который был заложен еще имамом Хомейни. В статье сделан анализ особенностей политической системы Ирана, ее эволюции под влиянием изменений внутренней ситуации в стране и внешних факторов, оказывавших разнонаправленное воздействие на процессы модернизации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *исламское правление, рахбар, шиизм, партии, санкционный режим, Иран*

В результате революции 1979 г. в Иране, стране с древними традициями монархизма, был установлен теократический режим со своеобразной формой правления. В некоторых исламских странах также делались попытки совместить современные, или светские, принципы государственного устройства с принципами ислама. Но практически установить исламское правление удалось только Ирану. После февральской революции 1979 г., сместившей шахский режим, и после всеобщего референдума 1 апреля 1979 г., на котором проголосовали за создание исламской республики, в стране долгое время шли ожесточенные споры о том, как должна быть практически организована система власти во вновь провозглашенной республике. Ситуация осложнялась тем, что Иран – страна с преимущественно шиитским населением, не признававшим правомочность халифатов после смерти имама Али. Согласно шиитской концепции власти, правом на верховную власть обладают только потомки имама

Али, а настоящее время является временем ожидания прихода сокрытого 12-го праведного имама Махди. Всякая другая власть, например власть шаха, рассматривалась с точки зрения шиитского права как легитимная только в том случае, если правление осуществлялось в интересах всей шиитской уммы. Поэтому создаваемая после революции система власти должна была соответствовать и современным принципам государственного устройства, и шиитским взглядам.

Принятие в декабре 1979 г., также в результате всеобщего референдума, Конституции ИРИ завершило эти споры. Главным принципом, обеспечивающим легитимность исламской власти и сохранение влияния высшего шиитского духовенства на проведение государственной политики, стал принцип «веляте факих». Задолго до исламской революции в своих теоретических работах аятолла Хомейни разработал концепцию «веляте факих», согласно которой легитимность власти может обеспечить нахождение во главе государства наиболее авторитетного факиха (религиозного богослова).

Рахбар – религиозный и государственный лидер

Практическая реализация этого принципа состоит в том, что религиозный лидер страны является и высшим лицом государства. Причем главным объектом споров был не столько сам принцип «веляте факих», сколько объем полномочий лидера страны в структуре государственной власти. В результате дебатов конституционно был закреплен институт рахбара как высшего государственного поста. Рахбар не только осуществляет имамат, но и наделен широкими государственными полномочиями. Его права и обя-

занности включают ряд функций законодательной, судебной и исполнительной власти. Согласно ст. 110 конституции он осуществляет:

- определение общей политики государства – после консультаций с Ассамблеей по определению государственной целесообразности;
- контроль над правильностью претворения в жизнь генеральной линии в политике режима;
- принятие решения о проведении референдума;
- главнокомандование вооруженными силами;
- объявление войны и мира, а также мобилизации;
- назначение и отстранение от должности, принятие отставки следующих лиц:
 - а) факихов Наблюдательного совета (из его 12 членов половина являются факихами, назначаемыми рахбаром), б) главы судебной власти, в) главы телерадиовещательной компании «Голос Ирана», г) начальника Объединенного штаба вооруженных сил, д) главнокомандующего Корпусом стражей Исламской революции (КСИР), е) высшего командования вооруженными силами и внутренними войсками;
- упорядочение отношений между тремя ветвями власти;
- разрешение проблем государства, которые не могут быть решены обычным путем, с помощью Ассамблеи по определению государственной целесообразности;
- подписание указа о назначении президента после его избрания. При отборе кандидатов на пост президента их компетентность подтверждается не только Наблюдательным советом, но и лидером страны;
- отстранение от власти президента, если этого требуют интересы

страны, на основании решения Верховного суда, определяющего виновность президента в нарушении им своих законных полномочий, либо на основании решения меджлиса (парламента) о несоответствии президента занимаемой должности;

- объявление амнистии или смягчение приговоров в рамках исламских норм и по рекомендации главы судебной власти.

Конституция страны может быть изменена только по инициативе рахбара. Первые изменения в конституцию были внесены в 1989 г., после того как Хомейни подписал соответствующий указ, изменения в 2007 г. были сделаны также после указа Али Хаменеи.

Уже перечень этих прав и обязанностей обеспечивает рахбару правовые условия для концентрации в своих руках не просто сильной, но практически монопольной власти. Аппарат рахбара представляет собой широкую горизонтальную и вертикальную сеть представителей – от Наблюдательного совета и министерств до исламских фондов, от губернаторов провинций до пятничных имамов. Рахбар издает декреты религиозного (*фетвы*), государственного (*хокмы*) характера, различные решения (*эблагие*), связанные с управлением государством. Свое влияние рахбар реализует также через выступления на пятничных молитвах, на различных заседаниях. Именно на заседании перед новым годом¹ в ответ на ужесточение санкционного давления 2012/2013 г. и 2013/2014 г. Али Хаменеи провозгласил годами экономического джихада. А 2014/2015 г. в преддверии заключения ядерного соглашения и возможного расширения контактов с Западом

годом он провозгласил годом не только экономического, но и культурного джихада. Им же была обнародована концепция «экономики сопротивления», способной противостоять экономическому давлению на Иран.

И эта сформированная еще в 1979 г. структура правления почти неизменной сохранилась до сих пор. Элементы этой структуры являются как религиозные, так и республиканские органы. Эта «гибридная» система, сочетающая республиканские, теократические, авторитарные и демократические элементы (выборная практика), действует, несмотря на пережитую страной восьмилетнюю войну, периодически возникающие социальные протестные движения, всплески национальных сепаратистских волнений, жесткий санкционный режим. Даже вооруженные силы представлены и армией, и Корпусом стражей исламской революции (КСИР), который был создан сразу же после революции для борьбы с ее противниками. Именно эта система противовесов позволяет иранскому духовенству уже почти четыре десятилетия сохранять в своих руках основные рычаги власти. При этом режим периодически идет на корректировку элементов системы с тем, чтобы сохранить эту власть в целом как исламскую. Самого Р. Хомейни отличал прагматический подход к государственным интересам страны. Например, он не отказался от налоговой системы в пользу исламских налогов, одобрил изменение экономической политики после окончания войны с Ираком, решился на роспуск партии иранского духовенства и т.п. Этот принцип целесообразности (*маслахат*), с одной стороны, создает возможности для модернизации исламской политической системы. Но, с другой стороны, именно

¹ Новый год в Иране начинается 21 марта.

он обеспечивает рахбару право на абсолютную политическую власть.

По конституции государственная власть в Исламской Республике Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной ветвями под контролем рахбара как главного факиха. Но такое сосредоточение власти в руках рахбара разделялось и до сих пор разделяется не всеми политическими силами в стране. В начале 2000-х гг. бывший президент страны Мохаммад Хатами предпринял попытку усилить полномочия президента, снизив уровень контроля рахбара и Наблюдательного совета над выборами и судебной властью. Однако два его законопроекта, получившие одобрение меджлиса, были отвергнуты Наблюдательным советом и формируемой рахбаром Ассамблеей по целесообразности.

Недовольство сосредоточением власти в руках рахбара проявилось, например, при всплеске оппозиционного движения – так называемого зеленого движения в 2009 г., а наиболее отчетливо – при проведении демонстраций в конце 2017 – начале 2018 гг. Легитимное верховенство религиозного лидера, безусловно, поднимает вопрос о степени демократичности иранского режима. Но, наверное, не следует забывать и того, что концепция такого варианта правления родилась в условиях иранской монархии, которая была не номинальной, как в европейских странах, а реальной деспотической властью без перспектив демократизации.

Нужно также иметь в виду, что конституционное оформление принципа «веляйте факих» в институт главы государства был обеспечен главным образом авторитетом имама Хомейни – признанного лидера революции. Он по Конституции 1979 г. был объявлен и пожизненным рахбаром (руководителем шиитской общины) и марджаа ат-таклид (религиозным наставником),

т.е. получившим право на иджтихад – право выносить собственные решения по важным богословским вопросам. При этом в тексте конституции, принятой в декабре 1979 г., говорилось и о том, что если ни один из факихов не удовлетворяет требованиям большинства народа, то может быть образован руководящий совет из трех или пяти марджа (ст. 109) [*Раванди-Фадаи, Филли* 2017, с. 8–9, 81].

В 1989 г., после смерти Хомейни, в результате перегруппировки политических сил наиболее подходящей кандидатурой на пост рахбара оказался тогдашний президент и всего лишь ходжат оль эслам Али Хаменеи, хотя было четверо имевших звание марджа ат-таклид. Но они не имели опыта государственного управления. А в это время закончилась восьмилетняя война с Ираком, надо было восстанавливать экономику, менять экономический курс. И для духовенства было важно сохранить контроль над этими процессами. Поэтому оно пошло на изменение конституционного принципа – обязательности для лидера иметь звание марджа ат-таклид. В новой Конституции вопрос о приемнике Хомейни был решен в пользу выборности одного факиха и не прямым всеобщим голосованием, а Советом экспертов, который первоначально создавался для разработки Конституции.

Но сам Совет экспертов (состоит из 86 членов) избирается на 8 лет путем всеобщих прямых выборов (выборы – в 1982, 1990, 1998, 2006 гг., затем в виде исключения срок полномочий продлен до 10 лет, поэтому последние выборы состоялись в 2016 г.). Подавляющее большинство избираемых в Совет экспертов – представители высшего духовенства. Несмотря на попытки либеральных сил выдвинуть в качестве кандидатов на выборы в Совет экспертов женщин или светских лиц, они не получают

согласия Наблюдательного совета. Пожалуй, более строгого отбора Наблюдательный совет не проводит даже в отношении кандидатов в президенты. Согласно внутреннему регламенту, утвержденному самим же Советом экспертов, он работает на постоянной основе. Деятельность Совета экспертов долгое время была закрыта для общества, фактически секретна. Но в последние годы она становится все более прозрачной. При секретариате Совета экспертов создан Центр исследования исламской мысли и исламской власти, который выпускает журнал «Хабреган», имеет сайт, поддерживает постоянные контакты с рахбаром, правительством и меджлисом.

Совет экспертов избрал рахбаром Али Хаменеи буквально на следующий день после смерти имама Хомейни. До избрания рахбаром Али Хаменеи был известен и как религиозный, и как государственный деятель. Вместе с аятоллой Бехешти и Али Акбаром Хашеми Рафсанджани (умер в конце 2016 г.) издал книгу «Наши позиции», которая стала политической программой Партии исламской республики (ПИР), объединившей в 1979 г. все политические и религиозные партии и группировки. В 1981 г. он был избран президентом страны, в 1985 г. – переизбран на второй срок. По специальному указу Хомейни также руководил работой Высшего совета обороны, Высшего совета культурной революции, а также созданной в последний год жизни Хомейни Ассамблеи по определению государственной целесообразности [Мамедова 2007, с. 312–317]. Али Хаменеи получил звание марджа-ат таклида только в 1994 г. после кончины аятоллы Араки, что, несомненно, укрепило его позиции и как рахбара.

Долго не вмешивавшийся открыто в политическую жизнь, Али Хаменеи стал политически активен в период президентства Махмуда Ахмадинежада, фактически приведя его к власти.

В настоящее время, судя по сообщениям прессы, он тяжело болен, поэтому вновь остро стоит вопрос о преемнике – либо новом рахбаре, либо Руководящем совете факихов. Пожалуй, впервые в истории исламской республики во время массовых демонстраций в начале 2018 г. открыто звучали лозунги против рахбара (например, «Рахбар – диктатор»), что опосредованно свидетельствует о глубоких изменениях в сознании иранского общества.

Первые, правда единичные, лозунги против диктатуры рахбара были отмечены в июне 2009 г. в период «зеленого движения», выступавшего против официальных результатов президентских выборов 2009 г. В июле на более чем миллионной демонстрации в Тегеране появились лозунги «Смерть диктатору, кем бы он ни был – религиозным лидером или доктором». А в 2010 г. в годовщину президентских выборов 2009 г. на демонстрации у кампуса Тегеранского университета появились лозунги «Смерть Хаменеи и басиджам!», «Долой веляяте факих» [Филин 2014, с. 182].

В прессе в настоящее время открыто обсуждается судьба не столько самого Али Хаменеи, сколько института рахбара, возможность заменить его коллективным органом.

Значимость института рахбара в системе власти определяется еще и тем, что как марджа ат-таклид он контролирует ряд финансовых потоков. И это не только доходы исламских фондов и вакфов, но и исламские налоги. В системе обязательных государственных налогов они не введены, но большинство шиитского населения уплачивает добровольный налог *хумс*, который идет на помощь потомкам Пророка и на благотворительные нужды. Размер его – 20% годового дохода, он традиционно уплачивался как доля имама. Размеры этого налога могут достигать нескольких десятков миллиардов долла-

ров, что укрепляет не только религиозный и политический, но и экономический потенциал рахбара.

Противоречия между исполнительной и законодательной властью

Наиболее сложные отношения в политической системе Ирана складывались между такими ветвями власти, как исполнительная и законодательная. За время существования режима изменилась даже их структура. По первоначальному варианту Конституции исполнительная власть была представлена президентом и правительством, которое возглавлял премьер-министр. Взгляды этих двух ветвей исполнительной власти чаще всего не совпадали, и их противоречия разрешал Хомейни. Во главе правительства в самые тяжелые для Ирана времена – во время войны с Ираком находился Мир Хосейн Мусави, который сумел, создав жестко централизованную экономику мобилизационного типа, избежать экономического краха. Как ни парадоксально, именно М.Х. Мусави, отстаивавший идеи максимально высокого вмешательства государства в экономику и политику в период пребывания на посту премьер-министра, станет одним из лидеров «зеленого движения», нацеленного на политическую и экономическую либерализацию.

Правительство, возглавляемое М.Х. Мусави, постоянно находилось под контролем, с одной стороны, рахбара, но, с другой стороны, и президента. Между исполнительной и законодательной властью существовали острые противоречия. Ярким показателем отношений между меджлисом (парламентом) и правительством М.Х. Мусави стало то, что кроме закона 1983 г. о банках (о переводе их на исламские принципы ра-

боты) не было принято ни одного основополагающего экономического закона, и правительство Мусави фактически действовало в условиях законодательного вакуума.

И дело не только в позиции меджлиса, представленного разными политическими силами, хотя и объединенными в ПИР. Законодательная власть в Иране была и сейчас представлена не только меджлисом, но еще и Наблюдательным советом, или Советом стражей Конституции.

Меджлис, состоящий в настоящее время из 290 членов, избирается прямым, открытым и тайным голосованием. Выборы в меджлис, как и выборы президента, проходят в обстановке острой борьбы между различными политическими группировками. Именно в это время образуются различные объединения, коалиции, активизируется работа партий или даже создаются новые.

А Наблюдательный совет состоит всего из 12 членов, 6 из которых являются факихами и которых назначает рахбар, а остальные 6 – законоведы, кандидатуры которых предлагает меджлис, но опять-таки представляет их на утверждение рахбара. Задача Наблюдательного совета – проверять утверждаемые меджлисом законы на соответствие Конституции и нормам ислама. Без согласия Наблюдательного совета одобренный меджлисом законопроект не мог и до сих пор не может стать законом. Даже вмешательство имама Хомейни не всегда могло ускорить процесс законотворчества. Поэтому он согласился на создание дополнительного высшего государственного органа – Ассамблеи по определению целесообразности для исламского строя, своеобразного арбитра между меджлисом и Наблюдательным советом.

После окончания войны наиболее остро встал вопрос о восстановле-

нии экономики и о повышении уровня жизни населения. Решение этих экономических проблем требовало и укрепления позиций исполнительной власти и создания законодательной экономической базы. Еще при жизни Хомейни стал составляться первый пятилетний план, и уже первые попытки обсудить в меджлисе первоначальный проект вызвали ожесточенные споры. После смерти Хомейни духовенство согласилось внести в Конституцию изменения. Пост премьер-министра ликвидировали, в состав высших государственных органов ввели Ассамблею по целесообразности. Снизил требования к рахбару; кроме того, он определял общие направления политики совместно с Ассамблей по целесообразности. И эти конституционные поправки помогли новому президенту страны Али Акбару Хахеми Рафсанджани как главе исполнительной власти проводить курс на либерализацию экономики. Таким образом, на изменение конституционных статей, носящих в значительной мере экономический характер, режим готов идти. Но конституционно ограничить власть духовенства или изменить избирательный закон в сторону секуляризации до сих пор не представляется возможным. Хотя попытки были и в 2003 г., и в 2017 г., когда после победы на выборах Хасан Роухани заявил о том, что собирается стать главой государства, и о возможности выбора рахбара народом [Дунаева 2017, с. 25]. Президент в Иране избирается на всеобщих выборах прямым и тайным голосованием на четыре года, только на два срока подряд. То, что выборы являются прямыми, усиливает легитимность позиций президента. Хотя президент является главой кабинета министров, но для непосредственного руководства им он имеет право назначить первого вице-президента, что и происходит на практике. Президент форми-

рует кабинет министров и представляет его меджлису одновременно с программой деятельности кабинета и каждого из министров. Президент может представить меджлису состав своего кабинета полностью либо частично. Вотум доверия выносится каждому из министров.

Министры в Иране являются не столько административными, сколько политическими фигурами. Они связаны с меджлисом, с соответствующим комитетом меджлиса, принимают участие в заседаниях правительства, Ассамблеи по целесообразности, встречаются с рахбаром. Министры, которые по представлению президента утверждаются на должность меджлисом, отражают в значительной мере позиции не столько президента, сколько наиболее влиятельной в меджлисе фракции.

Если многие министры правительства М. Ахмадинежада были связаны с работой в структурах министерства информации (разведки), КСИР и «басидж» (ополчение), то министры правительства Х. Роухани – со сторонниками прагматического и реформаторского курса.

Формирование кабинета министров часто превращается в политическую борьбу между различными фракциями меджлиса и сторонниками президента. Ключевыми министерствами, за которые постоянно ведется борьба и которые почти всегда возглавлялись лицами духовного звания, являются министерства внутренних дел, юстиции, культуры и исламской ориентации. Состав последнего правительства Х. Роухани был почти полностью одобрен меджлисом, но, как представляется, из-за того, что в нем было сокращено число представителей реформаторского блока, поддержавших Роухани на выборах. Возможно, что причиной этого стало сильное давление, оказываемое на Х. Роухани, в том числе путем аре-

ста его брата. Тем не менее вице-президенты, отвечающие за экономические блоки, примыкают к реформаторскому течению. Пожалуй, стратегической удачей Х. Роухани стало проведение на пост министра обороны генерала Амира Хатами, не связанного с КСИР.

В состав исполнительной власти входят различные организации (планово-бюджетная, атомной энергетики и другие), возглавляемые вице-президентами. По своим функциям эти организации фактически являются министерствами, но возглавляются не министрами, а вице-президентами, и потому выведены из-под жесткого контроля меджлиса. В состав последнего правительства Х. Роухани входят две женщины, что можно рассматривать как тенденцию к трансформации режима. В состав почти всех министерств Ирана на положении компаний-филиалов входит ряд крупных государственных компаний, различных по функциям. Особенность государственного управления Ирана – наличие в структуре министерств значительного количества производственных компаний, нередко проводящих самостоятельную политику. К ним можно отнести, например, Иранскую национальную нефтяную компанию (ИННК), Компанию по развитию и модернизации промышленности, которая в процессе приватизации стала акционером наиболее крупных промышленных объектов, Компанию оборонной промышленности, компании КСИРа [Сажин 2017, с. 107–108]. В Иране сложилась практика назначения министрами юстиции и информации лиц духовного звания, что обеспечивает им поддержку рахбара и главы судебной власти.

Кабинет министров в стране, в которой действуют и парламент (меджлис), и глава государства – рахбар, по правовому статусу более близок к типу правительств при президентско-парламентской форме правления.

Как уже отмечалось выше, законодательная власть представлена меджлисом, Наблюдательным советом и отчасти Ассамблеей по целесообразности. После создания Ассамблеи процедура принятия законов стала более стабильной. Но противоречий между исполнительной и законодательной властью это не смягчило. Когда в 2013 г. президентом на первый срок был выбран Х. Роухани, он получил добро от рахбара на проведение переговоров с «шестеркой» (члены СБ ООН плюс Германия) о сокращении ядерной программы в обмен на отмену санкционного режима. Кроме того, вопреки сложившейся традиции, согласно которой переговоры по вопросам ядерной программы от имени Ирана вел секретарь Совета безопасности, рахбар поручил это правительству. Переговоры шли в очень напряженной обстановке, так как условия соглашения постоянно критиковались меджлисом. И даже когда соглашение (СВПД) было подписано в Вене в 2015 г., меджлис всячески затягивал его ратификацию. В том, что меджлис в конце концов одобрил это соглашение, не последнюю роль сыграл спикер меджлиса Али Лариджани. В настоящее время, когда после парламентских выборов 2016 г. А. Лариджани вновь избран спикером, а Али Мотаххари его заместителем, и они в последние пять лет активно сотрудничают со сторонниками Х. Роухани, можно ожидать, что противостояние между президентом и меджлисом станет менее напряженным. Тем не менее ряд депутатов обвиняли и продолжают обвинять президента и его команду в подписании соглашения, которое они рассматривают как уступку США. Их уверения, что США найдут другие причины для наложения санкций, стали оправдываться после прихода к власти Д. Трампа, что значительно ослабило позиции сторонников Х. Роухани. Нельзя исключать такого разви-

тия событий, как это было при М. Хатами, когда политика президента-реформатора, нацеленного на либерализацию не только экономической, но и политической системы Ирана, под давлением США была свернута, и к власти пришло радикальное крыло консерваторов во главе с М. Ахмадинежадом.

Наиболее острые дебаты между правительством и меджлисом ведутся при рассмотрении расходов Стабилизационного фонда, годовых бюджетов. М. Ахмадинежад, фактически не получавший доступа к Стабфонду, расходы которого утверждал меджлис, добился создания Фонда национального развития, которым распоряжалось правительство. Напряженная борьба идет вокруг годовых бюджетов. Поэтому бюджет на 2017–2018 гг. был принят с опозданием. В декабре 2017 г. президент представил проект бюджета на 2018–2019 гг., который сразу же стал объектом нападков – и справа, и слева. Реформаторы не увидели в нем реальных попыток провести либеральные реформы, консерваторы даже эти робкие попытки сочли противоречащими интересам народа. Меджлис не пошел на повышение ставки прямых налогов для более богатых слоев населения, согласившись поднять НДС, что в большей степени ударило по низшим и средним слоям, до сих пор не введены в налоговую базу различные исламские фонды. В условиях дефицита правительство продолжило политику сокращения субсидирования ряда товаров и наметило сокращение выплачиваемых населению денежных компенсаций. И это вылилось не только в споры между правительством и меджлисом, но и в массовые демонстрации. В результате правительство уже в первую

неделю января 2018 г. пошло на изменение ряда бюджетных статей. Чьи позиции укрепятся в результате этих массовых выступлений? Возможно, меджлиса. Но Х. Роухани в беседе с членами своего правительства 8 января 2018 г. отметил, что при рассмотрении бюджета меджлису нужно обращать внимание на «необходимость прозрачности финансовой деятельности и подотчетности многих государственных и полугосударственных структур, которые получают значительные доли государственных средств, в то время как правительство сталкивается с большим дефицитом бюджета»². Поэтому правительство тоже может воспользоваться ситуацией и получить возможность более самостоятельного решения проблем с финансированием социальных и экономических программ, в том числе за счет средств исламских фондов.

Политические партии

Партийная структура как часть политической системы Ирана крайне фрагментарна. В феврале 1979 г. была образована Партия исламской республики (ПИР), имевшая целью объединить в ее рамках все созданные к этому времени партии и организации, вплоть до организаций духовенства. Оставшись практически единственной политической партией, ПИР превратилась в партию государствообразующего типа. Только после того, как была достигнута цель сохранения теократической власти даже в условиях восьмилетней войны, а борьба различных течений внутри партии стала находить выражение в конфронтации между различными органами власти и угрожать ста-

2 Popular Demands Not Limited to Economy. <https://financialtribune.com/articles/national/79583/popular-demands-not-limited-to-economy> (дата обращения: 9.01.2018).

бильности власти, в 1987 г. с согласия Хомейни ПИР была распущена.

Даже после роспуска Партии исламской республики партийная жизнь не носила характера, свойственного европейским традициям. Многие партии создавались в предвыборный период, объединяясь не столько на базе программ, сколько вокруг политических фигур. Долгое время почти все партии примыкали к двум крупнейшим группировкам духовенства – Обществу борющегося духовенства и Ассамблее борющихся улемов. К первому традиционно примыкали консерваторы, ко второму – реформаторы. Настоящий бум партийного строительства произошел после избрания президентом страны в 1997 г. М. Хатами, поставившего целью своей внутренней политики создание гражданского общества в Иране.

Поражение «Зеленого движения» затормозило этот процесс, уменьшилась роль указанных выше организаций духовенства в политической жизни, но тенденция развития партийной системы сохраняется до настоящего времени [Мамедова 2006, с. 191–192].

Хотя в законе о выборах нет упоминания о партиях, выборы фактически проводятся по партийным спискам; в преддверии выборов создаются новые партии, образуются партийные блоки, выдвигающие совместных кандидатов. Именно предвыборные кампании в Иране выявляют реальное положение партийной системы; в этот период партии и партийные группировки проявляют наибольшую активность, заявляя о своих программах. Кандидаты от различных партийных группировок, ставшие депутатами меджлиса, образуют партийные фракции, аналогично европейской политической традиции. Опыт

последних трех президентских выборов показал, что созданные накануне выборов блоки сторонников победившего на выборах президента становятся затем основой политических пропрезидентских партий, поддерживающих исполнительную власть. Огромную роль в партийном движении в Иране играют личные и родственные связи. До сих пор почти все политические партии, организации и движения в Иране делятся в основном по степени связи с различными семейными и религиозными кланами.

В настоящее время действуют партии, созданные сразу же после революции или возникшие в ходе последних выборов. Например, до сих пор активно действует прореформаторская партия ОМИР – Организация моджахедов исламской революции, генеральный секретарь которой Мохаммад Саламати в разгар «новогодних» событий 2017–2018 г. дал взвешенный анализ причин волнений, выступив, несмотря на критику работы правительства Роухани, в его поддержку³.

Приход к власти сторонников Х. Роухани вызвал активизацию партий прагматического и реформаторского толка, в 2017 г. возник партийный блок «Омид» (Надежда), но и консервативные силы тоже создали ряд блоков и движений.

Из нелегальных политических партий, оказывающих влияние на политическую жизнь Ирана, следует назвать «Моджахеддине хальк», принявшую участие и в январском движении 2018 г. Система политических партий Ирана до настоящего времени продолжает носить черты традиционных организаций, которые не столько создаются на основе идеологического единства, сколько группируются вокруг какого-нибудь лидера. Обнаружившаяся

3 Reformist Urges Continued Backing for Rouhani. <https://financialtribune.com/articles/national/79182/reformist-urges-continued-backing-for-rouhani> (дата обращения: 3.01.2018).

прямая зависимость активизации партийного строительства во время предвыборных кампаний делает все более актуальным изменение законов о партиях и о выборах, увязку их друг с другом, что сделает более отчетливыми программы и позиции партий. Но свободное развитие политических партий сдерживается идеологическими рамками исламского режима. Не меньшее, а, пожалуй, и большее значение в политической жизни Ирана играют родственные и религиозные связи.

Политическая элита Ирана

После исламской революции формирование политической, религиозной и экономической элит оказалось тесно взаимосвязанным. Политическая власть перешла в руки традиционных религиозных кланов, которые представляли разные шиитские центры. Если до революции главными были Неджеф в Ираке и Кум в Иране, то после революции Кум становится не только главным иранским религиозным центром, но и центром шиитов других стран.

Духовенство, которому досталась значительная часть национализированной собственности, стало составной частью не только политической, но и новой экономической элиты. Духовенство получило собственность через созданные исламские фонды, встав во главе этих фондов. Был снят запрет на создание новых вакфов, увеличилась собственность и действовавших вакфов. Так, вакф «Астане Годс» в Мешхеде, где началось протестное движение 28 декабря 2017 г., получил право на создание свободной экономической зоны Серахс, построил собственный аэропорт. Он имеет в собственности многочисленные компании, учебные заведения.

В санкционный период к субъектам экономической иранской элиты ста-

ла активно присоединяться военная элита, особенно представители КСИР. Компания КСИР «Хатам аль-Анбия» превратилась в одну из крупнейших в стране, особенно в период санкций в президентство М. Ахмадинежада. В это время, когда из страны стали уходить иностранные компании, Корпусу стражей было дано право участвовать более чем в десяти тысячах проектов – от строительства до нефтегазовой и аэрокосмической промышленности.

Противоречия между отдельными кланами то утихают, то нарастают, приводя к смене правительств, изменениям в экономической политике, изменениям в отношениях с внешним миром.

Сам имам Хомейни был представителем одной из влиятельных богословских семей (отец – аятолла, мать – внучка аятоллы). Дети и внуки Хомейни составляют часть политико-религиозной элиты, активно участвуют в политической жизни страны. Семья связана родством с семьей Садров – видных политических и религиозных деятелей Ливана и Ирака, а также с семьей экс-президента Мохаммада Хатами. Члены семьи в значительной степени придерживаются прагматических и даже реформаторских взглядов по ряду вопросов. Дочь Хомейни Захра Мостафави, являясь генеральным секретарем Женского общества ИРИ, выступила на выборах в пользу кандидатуры Х. Роухани.

Клан Али Хаменеи также тесно связан с духовенством. Его отец – аятолла, тетья – жена шейха Хиабани, она же является бабушкой Мир Хосейна Мусави, одного из лидеров «зеленых» и бывшего премьер-министра страны. Семья связана родственными узами с бывшим спикером парламента Ходад-Аделем, который примыкает к консерваторам, хотя младший брат А. Хаменеи издавал газеты, в которых публиковались статьи против принципа вelayate факих.

В конце 2016 г. ушел из жизни глава одного из самых могущественных политических, экономических и религиозных кланов страны Али Акбар Хашеми Рафсанджани (Бахрамани). Клан имеет сильные позиции в политической системе Ирана, связан родственными узами с аятоллой Х. Али Монтазери, аятоллой Хасаном Лахути, М.К. Табатабаи Язди, Хоссейном Мараши (вице-президент в правительстве Хатами и лидер партии реформаторского направления). Один из сыновей Рафсанджани – Мохсен Хашеми занимал пост начальника канцелярии Ассамблеи по целесообразности, а после майских выборов в муниципалитет Тегерана в 2017 г. стал главой Тегеранского совета. Дочь Рафсанджани Фаезе Хашеми – известная общественная деятельница, придерживается линии прагматиков, но ближе к реформаторам.

Огромный политический вес имеет клан Лариджани – так называемый иракский клан. Отец братьев Лариджани, аятолла Амоли, долго работал в Неджефе. Али Лариджани – спикер парламента. Один его брат является советником Хаменеи, другой возглавляет судебную власть.

Эти семьи составляют костяк политической элиты ИРИ, в основе их связей не только родственные отношения, но и принадлежность к определенным школам духовенства. Именно этим объясняются тесные связи религиозных авторитетов Ирана с представителями шиитского духовенства в других странах. Этим объясняется и поддержка Ираном шиитских движений в соседних странах, возглавляемых, как правило, воспитанниками Кума или Тегерана [Мамедова 2016, с. 121–127].

Переплетение интересов нескольких крупных кланов способствует распространению коррупции, что стало одной из причин массового оппозиционного движения, развернувшегося в конце

2017 г. – начале 2018 г. Высокому уровню коррумпированности способствуют не только засилье в экономике страны мощных кланов, закрытых экономических структур, но и отсутствие политических свобод, свободы мнений и прессы.

Заключение

Возглавив антишахское движение, иранское духовенство не ограничились свержением шахского режима. Оно концептуально обосновало и построило новое государство на принципах исламского правления. В политической системе духовенству была отведена руководящая роль. Объективные условия развития иранского общества ставили перед созданной структурой задачи, которые требовали идеологического обоснования изменений экономической, культурной, внешней и внутренней политики. Система с этими вызовами справляется почти четыре десятилетия, внося определенные коррективы. Но до настоящего времени говорить о сколько-нибудь кардинальной трансформации политической системы как системы исламского правления нет оснований. Однако потребности в изменениях назревают, периодически выплескиваясь то в виде массовых движений, то в трансформации некоторых конституционных принципов, то в перегруппировки политических сил, приходящих во власть. Сторонники действующего президента Х. Рухани ставят перед собой задачу оздоровить политический климат в стране, но при сложившемся балансе политических сил, а главное, при существующей структуре политической власти реализовать эти цели крайне сложно. Возможно, в значительной мере потенциальные тенденции демократизации режима сдерживаются постоянным давлением извне – то в виде военных

угроз, то в виде санкционного режима, что позволяет духовенству сплачивать население, используя идею шахадата⁴ для противостояния врагам Ирана.

Список литературы

Дунаева Е.В. (2017) Иран: изменение баланса политических сил после выборов Х. Роухани // А.М. Мустафабеги (ред.) Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока. М.: ДА МИД РФ. С. 17–30.

Мамедова Н.М. (2006) Политические партии Ирана // Публично-правовые исследования. Т. 1. С. 176–197.

Мамедова Н.М. (2007) Институт рахбара в политической системе Ирана

// Публично-правовые исследования. Т. 2. С. 310–322.

Мамедова Н.М. (2016) Иран: особенности формирования политической элиты // Восток (Oriens). № 1. С. 121–127.

Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. (2017) Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М.: РГГУ, ИВРАН.

Сажин В.И. (2017) Корпус стражей исламской революции в Иране – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 3. С. 83–109.

Филин Н.А. (2014) Неудавшаяся революция цвета ислама. Причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране. М.: РГГУ, Ленанд.

Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features & the Upside for Transformation

Nina M. MAMEDOVA

PhD in Economics, Head of the Department of Iran, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Department of Global Economy, MGIMO University. Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: mamedovan@mail.ru

CITATION: Mamedova N.M. (2018) Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features and the Upside for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 152–165 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165

ABSTRACT. *About four decades Iran has been under Islamic ruling, a unique system of state governing combining both secular society rules and religious principles. While the contradictions between the clergy and the republicans' institutions may re-*

main their internal affair, at the same time they may become evident. The electoral system is one of the fundamental principles of the state governing in Iran. The changes in the ratio of Islamic principles and republicans' rules (laying behind the politi-

⁴ Смерть за веру.

cal course), depends on the political forces getting the majority in the state governing bodies following the elections. Often these changes result in the form of mass protest. Notwithstanding the adjustments to the Iran's state governance have been made, the system fundamentally has been operating within the scope of principles proclaimed by Imam Khomeini. The research article studies the Iran's political system distinctions as well as its evolution triggered by the situation inside the country and the external factors, that both act in different directions in respect to the modernization processes.

KEY WORDS: *Islamic governing, rahbar, shiism, parties, the sanctions regime, Iran*

References

- Dunayeva E.V. (2017) Iran: izmene-
nie balansa politicheskikh sil posle vy-
borov Kh. Roukhani [Iran: Change of Bal-
ance of Political Forces after H. Rouhani's
Elections]. *Aktual'nye problemy Blizhnego
i Srednego Vostoka* [Current Problems of
the Middle East] (ed. Mustafabekli A.M.),
Moscow: DA MID, pp. 17–30.
- Filin N.A. (2014) *Neudavshayas-
ya revolyutsiya tsveta islama. Prichiny
pod'ema i upadka Zelenogo dvizheniya
v Irane* [Unfortunate Revolution of Color
of Islam. The Reasons of Rise and Decline
of the Green Movement in Iran], Moscow:
RGGU, Lenand.
- Mamedova N.M. (2006) *Politicheskie
partii Irana* [Political Parties of Iran].
Publichno-pravovye issledovaniya, vol. 1,
pp. 176–197.
- Mamedova N.M. (2007) *Institut ra-
khbara v politicheskoy sisteme Irana* [In-
stitute of a Rakhbar in Political System of
Iran]. *Publichno-pravovye issledovaniya*,
vol. 2, pp. 310–322.
- Mamedova N.M. (2016) *Iran: oso-
bennosti formirovaniya politicheskoy eli-
ty* [Iran: Features of Formation of Political
Elite]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 121–127.
- Ravandi-Fadai L.M., Filin N.A. (2017)
*Proshloe i nastoyashchee religioznogo nas-
tavnichestva v shiitskom islame* [The Past
and the Present of Religious Mentoring in
Shiite Islam], Moscow: RGGU, IVRAN.
- Sazhin V.I. (2017) *Korpus strazhej is-
lamskoj revolyutsii v Irane – gosudarstvo
v gosudarstve* [Islamic Revolution Guards
Corps of Iran: a State within a State].
*Outlines of Global Transformations: Politics,
Economics, Law*, vol. 10, no 3, pp. 83–109.